

На правах рукописи

Рагозина Софья Андреевна

**Политический образ ислама (на материале центральных
российских печатных СМИ, 2010-2017)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва 2019

Работа выполнена в Секторе истории политической философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук.

Научный руководитель: **Ильинская Светлана Геннадьевна**,
кандидат политических наук, доцент,
старший научный сотрудник Сектора
истории политической философии
Института философии Российской академии
наук

Официальные оппоненты: **Гронская Наталья Эдуардовна**
доктор политических наук, профессор
Департамента прикладной лингвистики и
иностранных языков Национального
исследовательского университета «Высшая
школа экономики» в Нижнем Новгороде

Кудряшова Ирина Владимировна
кандидат политических наук, доцент
Кафедры сравнительной политологии
Московского государственного института
международных отношений (университета)
МИД России

Ведущая организация: **Институт востоковедения Российской
академии наук**

Защита состоится « 4 » июня 2019 года в 14.00 к.313 на заседании
Диссертационного совета Д 002.015.05 в Федеральном государственном
бюджетном учреждении науки Институт философии Российской академии
наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал Ученого
совета Института философии Российской академии наук.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии
Российской академии наук, а также на сайте:

<https://iphras.ru/page18760951.htm>.

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.
Ученый секретарь

Диссертационного совета Д 002.015.05,
кандидат политических наук

И.М.Угрин

Актуальность исследования

Многие работы, посвященные современной социологии ислама, исходят из якобы не требующей доказательства предпосылки о доминировании негативного образа ислама или же о «проблемном» характере ислама. Наиболее красноречиво об этом говорят немногочисленные метаисследования состояния современного знания об исламе. Например, С. Ахмед и Й. Маттес проанализировали 345 исследований об образе ислама в СМИ с 2000 по 2015 год¹. Главным стимулом для появления этого направления исследований на Западе стал теракт 11 сентября 2001 года в США, затем всплеск публикаций наблюдался после других наиболее крупных атак. Большинство авторов в своих исследованиях так или иначе связывают образ ислама с терроризмом, насилием и миграцией. Такое смещение в определении предмета исследования по теме ислама происходит не только на уровне СМИ, но и на уровне академических исследований посредством воспроизводства ориенталистского подхода к выстраиванию негативного «образа другого».

Обращаясь к российским реалиям нельзя не отметить ограниченность подобной схемы. Во-первых, события 11 сентября не стали той «точкой невозврата», как это было показано упомянутыми выше исследователями, скорее, нужно говорить об афганской войне, распаде Советского Союза и «чеченских войнах». Формирование политического образа ислама в современной России неизбежно сталкивается с фундаментальным противоречием на уровне общественных дискуссий. С одной стороны, укреплению негативного образа способствует историческая память о событиях, связанных с конфликтами с мусульманами. Также в последнее время все чаще происходит политизация ислама в связи с проблемой мигрантов и кризиса на Ближнем Востоке. С другой стороны, нельзя отрицать давнюю историю взаимодействия мусульманской общины с

---

¹ Ahmed, S., Matthes, J. (2017) "Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis", *The International Communication Gazette* 79(3): 219-244.

российским государством, на протяжении которой ислам выступал как неотъемлемая часть российского социокультурного пространства. Именно это противоречие обуславливает **актуальность** изучения проблемы комплексного анализа политического образа ислама.

В данной работе мы обратились к репрезентации образа ислама в российских СМИ. На данный момент средства массовой информации играют важнейшую роль во всех сферах жизни, являясь не только одним из основных источников знаний по актуальным проблемам, но и эффективным инструментом власти. Различные медийные практики способны оказывать решающее влияние на появление и закрепление социальных стереотипов, затем на появление конкретных моделей политического поведения, и в конечном счете на специфику функционирования того или иного политического режима.

Слабой стороной многих исследований, посвященных образу ислама в СМИ, является использование концепта исламофобии как своеобразной рамки (особенно это касается исследований по мигрантам в Европе²), упрощающей интерпретацию полученных данных. Гораздо более продуктивным представляется подробно рассмотреть политический образ ислама, транслируемый СМИ, и в рамках этого проанализировать механизмы, приведшие к появлению негативного образа ислама. Это позволит не исказить предмет исследования, исходя из неверной предпосылки.

Мы не можем полностью отказаться от использования концепта исламофобии. Однако, уделив особое внимание различным языковым и дискурсивным стратегиям, способствующим формированию негативного образа ислама, появляется возможность избежать «концептуальной натяжки» Дж. Сартори³ и отказаться от умозрительных тезисов в рассуждениях по

---

² См., например: Zunes, S. (2017) "Europe's Refugee Crisis, Terrorism, and Islamophobia", *Peace Review* 29(1); 1-6; Cifti, S. (2012) "Islamophobia and Threat Perceptions: Explaining Anti-Muslim Sentiment in the West", *Journal of Muslim Minority Affairs* 32(3): 293-309; Kaya, S. "Islamophobia in Western Europe: A Comparative, Multilevel Study", *Journal of Muslim Minority Affairs* 35(3): 450-465.

³ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // *Полис*. 2003. № 3-4.

проблеме исламофобии. На богатом эмпирическом материале мы, с одной стороны, рассматриваем разнообразие дискурсивных практик, способствующих появлению исламофобии, а с другой наиболее полно выстраиваем и весь образ ислама, транслируемый СМИ. Основной **исследовательский вопрос** следует сформулировать наиболее широко: как, с политической точки зрения, ислам представлен в современных российских СМИ? Отвечая именно на так широко сформулированный вопрос, мы сможем максимально адекватно рассмотреть политический дискурс об исламе: его общую идейную направленность и частности, касающиеся его элементов.

Говоря о **степени разработанности проблемы**, следует отметить, что наблюдается довольно высокий интерес к теме ислама в России, как среди отечественных, так и зарубежных авторов. Изучение этой объемной историографии должно быть целью отдельного исследования. Здесь необходимо обратить внимание лишь на узкий сегмент исследований, посвященных анализу современного коммуникационного пространства об исламе.

Можно выделить ограниченный круг исследователей, обращающихся к данной проблеме. Основной профессиональный интерес В. Бобровникова заключается в изучении ислама на Кавказе, в особенности, в Дагестане. В своих исследованиях он часто обращается к дискурс-анализу. Например, изучая исламский дискурс визуальной пропаганды в 1918-1940 в Поволжье, на Кавказе и в Средней Азии⁴, дискурс мусульманского сопротивления в Крымской войне⁵, а также место исламского призыва на современном Кавказе посредством кино⁶.

---

⁴ Bobrovnikov, V. (2017) "Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918 – 1940)", *Islamology* 7(2): 53-73.

⁵ Бобровников В.О. Крымская война на русском Кавказе: идеология фронта и дискурс мусульманского сопротивления // *The Crimean War, 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals* / Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2011, p. 299–332.

⁶ Бобровников В.О. Исламский призыв (да'ва) на Кавказе XXI в. средствами кино: попытка дискурсивного анализа // *Восток*. 2011. № 4. С. 46–64.

Другой известный исламовед, И. Алексеев, в целом ряде своих публикаций осмысляет современные процессы в мусульманском мире и место мусульманской общины в российском пространстве. Так, «хрестоматийной» стала его статья «Собирание расколотов уммы», где он подробно объясняет неэффективность использования искусственных терминов, связывающих ислам и радикализацию⁷. А в одной из последних статей он подробно рассматривает некоторые закономерности складывания структуры знания об исламе в современной России. На эмпирическом материале высказываний ряда представителей профессиональных и социальных групп фиксируются дискурсивные стратегии, отлично иллюстрирующие искусственный характер построения «хорошего» и «плохого» ислама⁸.

В. Малахов, ведущий специалист по теориям национализма и проблемам миграции, в последних своих публикациях также обращается к проблемам дискурса об исламе. В статье «Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект», написанной в соавторстве с Д. Летняковым, проанализировано место дискуссий об исламе в публичном пространстве современной России⁹. Авторы делают неоднозначный вывод об отсутствии политического рынка, на котором было бы востребовано негативное отношение к исламу, по причине «автохтонного» характера ислама для России и специфики российской политической системы. В то же время они фиксируют определенное перетекание западной повестки в российские медиа, связанное с настороженным отношением к исламу, а также «конфессионализацию» и рост исламской составляющей в общественных дебатах о миграции. Также В. Малахов анализирует нарративы исламофобии в Западной Европе и выявляет фундаментальные

---

⁷ Алексеев И.Л. Собирание расколотов уммы: фундаментализм как реинтерпретация исламской истории // *Ab Imperio*. 2003. №4.

⁸ Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) "From 'Good' to 'Right' Islam: The Categories and Concepts in the Modern Russian Analytics and ideology Language", *Islamology* 7(1): 88-105.

⁹ Малахов В., Летняков Д. Ислам в восприятии российским обществом: сравнительно-политический аспект// *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. №2. С. 248–271.

причины сложившейся ситуации¹⁰. В уже ставшем хрестоматийном противостоянии «радикализации ислама» и «исламизации радикализма», которое, как правило, ассоциируется с двумя французскими исламоведами Ж. Кепелем и О. Руа соответственно, В. Малахов последовательно развивает «социологический» подход О. Руа.

Ряд исследователей обращается к специфике формирования дискурса исламского радикализма. Например, А.А. Игнатенко исследует феномен «виртуального джихада» и рассматривает особенности исламистского сегмента интернет-пространства¹¹. Его внимание сосредоточено не только на глобальном контексте, но и на российских реалиях – этому посвящено отдельное исследование¹². Отдельного упоминания заслуживает работа К.А. Кадыровой, А.А. Куделина и А.А. Лукашева, где на богатом эмпирическом материале рассматривается трансформация концепции джихада с VIII по XX век¹³. Несколько работ А. Маточкиной посвящены наследию Ибн Таймийи, в том числе и современным интерпретациям его концепции джихада¹⁴.

Среди других исследователей, так или иначе обращающихся к изучению различных аспектов исламского дискурса, следует отметить С. Абашина, Е. Капустину, И. Саетова¹⁵.

Наконец, профессор Амстердамского университета М. Кемпер в своих последних работах обращается к языку мусульманского сообщества в России. К той же теме (в числе прочего) обращается и профессор Европейского Университета А. Бустанов¹⁶. Одним из самых значимых результатов их совместной работы стал сборник статей, посвященный

¹⁰ Малахов В. Грозит ли Европе исламизация? // Отечественные записки. 2013. №1 (52). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/24m.html>

¹¹ Игнатенко А.А. Виртуальный джихад // Ислам и политика. М., 2004.

¹² Игнатенко А.А. InterTerror в России. Улики. М., 2005..

¹³ Кадырова К.А., Куделин А.А., Лукашев А.А. Джихад многоликий. СПб: Культ-информ-пресс. 2015.

¹⁴ Маточкина А.И. Образ ибн Таймийи на материале русскоязычных интернет-источников // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. №2. С. 63-80.

¹⁵ Абашин С. Геллиер, “потомки святых” и Средняя Азия: между исламом и национализмом // AbImperio. 2004. №3; Капустина Е. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: практики потребления и общественные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 176-202; Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: джамаат “Исмаил Ага” в общественной жизни Турции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-2. С. 90-97.

¹⁶ Bustanov, A.K. (2012) Settling the Past: The Soviet Oriental Projects for Kazakhstan, 1920s–1980s. PhD Thesis. Amsterdam.

исламскому дискурсу в России, который, к сожалению, из-за того, что был издан за рубежом, не стал широко известен отечественным исследователям¹⁷. Сам же А. Бустанов подробно анализирует ориенталистскую парадигму в изучении ислама в России, используя прежде всего архивные материалы XIX века¹⁸.

Что же касается западных исследований, то здесь ситуация иная. Не затрагивая огромный пласт работ, посвященных позиционированию ислама в публичном пространстве, отметим, что даже такая, казалось бы, узкая тема как «репрезентация ислама в СМИ» представлена целым исследовательским направлением. Фактически по любой западной стране можно обнаружить такие исследования¹⁹.

Таким образом, с определенной степенью уверенности можно говорить о востребованности появления отдельного направления, посвященного изучению социологии российского ислама и дискурсов об исламе, в частности. Так как нами не было обнаружено работ, подробно анализирующих образ ислама в российских СМИ, то представляется, что данное исследование может заполнить данную лакуну и стать органичной частью складывающегося направления исследований.

Объектом исследования стали материалы по теме ислама в современных российских печатных СМИ. **Предметом исследования** – дискурс об исламе в российских печатных СМИ 2010 – 2017 гг.

Основная цель исследования: выявить основные элементы и механизмы формирования политического образа ислама в российских печатных СМИ.

---

¹⁷ Bustanov, A., Kemper, M. (eds.) (2012) *Islamic Authority and the Russian Language. Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Netherlands: Pegasus.

¹⁸ Bustanov, A.K. (2015) “Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations”, *Central Asian studies series* 29; Bustanov, A. (2011) “The sacred texts of Siberian Khwāja families: the descendants of Sayyid Ata”, *Journal of Islamic Manuscripts* 2(1): 70-99.

¹⁹ Dahinden, U., Koch, C., Wyss, V., Keel, G. (2011) “Representation of Islam and Christianity in the Swiss Media”, *Journal of Empirical Theology* 24: 197-208; Kabir, N. (2006) “Representation of Islam and Muslims in the Australian Media, 2001–2005”, *Journal of Muslim Minority Affairs* 26(3): 313-328; Jackson, L. (2010) “Images of Islam in US Media and their Educational Implications”, *Educational Studies*. 46: 3-24.

Для достижения указанной цели, нами были поставлены следующие **задачи исследования:**

1. Описать выбранный методологический подход критического дискурс-анализа, обосновать выбор теории критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу и методов корпусной лингвистики.

2. Проанализировать основные тенденции в современных исследованиях по исламу; рассмотреть опыт изучения образа ислама, в том числе с применением дискурс-анализа и методов корпусной лингвистики.

3. Выявить основные дискурсивные стратегии выстраивания политического образа ислама, проанализировав паттерны лексической сочетаемости леммы «ислам» и «мусульмане».

4. Определить семантическое поле исламофобии в дискурсе об исламе, проанализировав контекст употребления наиболее частотных категорий «радикального» и «традиционного» ислама.

5. Описать акторную структуру дискурса об исламе, а именно: выявить основные нарративы дискурса экспертного сообщества, представленного в СМИ, проанализировать риторику официальных представителей мусульманского сообщества, а также идентифицировать образ мусульман, в наибольшей степени используемый для формирования негативного образа ислама («исламистские группировки», «неофиты», «мусульманские женщины»). Попытаться осмыслить то, какую роль описанные дискурсивные стратегии занимают в более широком российском политическом контексте.

6. Проанализировать востребованность выявленных инструментов выстраивания негативного политического образа ислама другими типами дискурса, например, официальным политическим дискурсом об исламе, транслируемым различными государственными органами, а также официальным исламским дискурсом, транслируемым представителями мусульманского сообщества.

Теоретико-методологическая основа исследования

В данной работе разрабатывается и применяется оригинальный синергетический подход критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики. Такая комбинация позволяет нивелировать ограничения каждого из подходов. Находясь на стыке нескольких направлений социальных наук, мы обращаемся сразу к нескольким исследовательским традициям.

В основу данного исследования легла теория основателя критического дискурс-анализа Нормана Фэрклоу, изложенная им в книге «Язык и власть», вышедшей в 1989 году²⁰. В ней он подробно излагает теоретическую схему «текст – его интерпретация – контекст», что оказалось наиболее востребовано в данной работе.

Понятие «политического образа» чаще всего употребляется в области политического маркетинга, зачастую в одном ряду с понятием «политического бренда», или же в области семиотики, если акцент делается на визуальном образе. Однако Н. Фэрклоу удалось преодолеть ограничения обоих подходов и предложить определение политического образа, с одной стороны, органично вписывающееся в логику его дискурс-аналитической теории, а с другой – что гораздо важнее для нас – адаптированное для анализа медийного материала. «Газеты, как правило, предлагают конкурирующие (а иногда и совпадающие) версии истины, каждая из которых основана на неявном утверждении, что репрезентация событий может быть прозрачной, а перспектива – универсальной. Этот миф и лежит в основе деятельности СМИ: предлагать образы и категории реальности, позиционировать и формировать социальные объекты, тем самым способствуя закреплению определенной системы социального контроля и воспроизводства значений»²¹. Таким образом, определение политического образа, которым мы оперируем в данном исследовании, может быть сформулировано следующим образом: это элемент реальности, за которым

---

²⁰ Fairclough, N. (1989) *Language and Power*. Longman.

²¹ Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*, p. 161. Cambridge

посредством идеологически обусловленной реализации тех или иных дискурсивных стратегий закрепляется определённый набор политических признаков.

Выходя за рамки критического дискурс-анализа, мы также обращались и к постструктуралистской теории Э. Лакло и Ш. Муффа о гегемонистском дискурсе²². Идея об «интервенции гегемонии» была проиллюстрирована формированием дискурса о радикальном исламе. Идея гегемонистского дискурса используется в работе Н. Гронской и В. Макарычева. В своей статье они выявляют основные источники формирования «кремлевского олимпийского дискурса» до, во время и после проведения Зимних олимпийских игр 2014 года²³. Некоторые методологические шаги, предпринятые в рамках указанного исследования, были частично использованы и в данной работе.

Нельзя не отметить вклад О.Ю. Малиновой в изучение публичного дискурса современной России²⁴. Так, разрабатываемая ею концепция символической политики, а также изучение категории «традиционность» внесло значительный вклад в понимание места концепта «традиционного ислама» в российском медийном пространстве.

Ряд исследователей не раз подчеркивали ограничения критического дискурс-анализа, в том числе теории Н. Фэрклоу. Их аргументы можно свести к двум тезисам: во-первых, чрезмерный акцент на первичности дискурса в конституировании социальной реальности²⁵, во-вторых, «доминирование субъективных (biased) интерпретаций ставит вопрос репрезентативности, выборочности, частичности, предубежденности»²⁶.

---

²² Laclau, E., Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso. Second Edition.

²³ Gronskaya, N., Makarychev, A. (2014) "The 2014 Sochi Olympics and "Sovereign Power"", *Problems of Post-Communism*, 61(1): 41-51.

²⁴ Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // *Политическая концептология*. 2013. №1. С. 114-130.

²⁵ Widdowson, H.G. (1996) "Reply to Fairclough: Discourse and interpretation: conjectures and refutations", *Language and Literature* 5(1): 58.

²⁶ Bloomaert, J. (2005) *Discourse*, p. 31-32. Cambridge: Cambridge University Press.

Инструментарий корпусной лингвистики позволяет преодолеть эти и ряд других ограничений. Отличительной чертой данного направления является применение количественных методов, например, для вычисления частоты появления того или иного лингвистического явления с последующей интерпретацией данного факта. Основы корпусной лингвистики были изучены нами на основе работ Т. МакЭнери, А. Харди²⁷, Е. Тогнини-Бонелли²⁸, А.Н. Баранова²⁹, Дж. Синклера³⁰, М. Стаббса³¹.

В своей работе «Использование корпоры в дискус-анализе» П. Бейкер подробно объясняет преимущества такой методологической комбинации. Во-первых, выявление статистически значимых лингвистических элементов при анализе большого массива текстов уменьшает вероятность субъективной категоризации (как это бывает в контент-анализе). Во-вторых, частотность появления того или иного лингвистического явления позволяет делать вывод о реальном влиянии дискурса на социальные практики. В-третьих, работа с большими корпусами позволяет наиболее подробно описать дискурс. В-четвертых, это методологическая триангуляция, заключающаяся в эффективной комбинации количественных и качественных методов, что в свою очередь ведет к повышению верифицируемости полученных выводов³².

Наконец, о работоспособности синтетического подхода критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики говорит и обращение к нему большого количества исследователей, занимающихся самыми разными темами, например: репрезентация феминизма и гендера в СМИ³³,

---

²⁷ Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. (2006) *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.

²⁸ Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at Work*. John Benjamins Publishing Company

²⁹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: ЕдиториалУРСС, 2001.

³⁰ Sinclair, J. (1999) "A way with common words", in *Out of Corpora: Studies in honour of Stig Johansson*. Rodopi.

³¹ Stubbs, M. (2001) *Words and Phrases. Corpus Study of Lexical Semantics*. Blackwell Publishing.

³² Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*, pp.10-17.

³³ Jaworska, S, Krishnamurthy, R. (2012) "On the F word: A corpus-based analysis of the media representation of feminism in British and German press discourse, 1990–2009", *Discourse Society* 23 (4): 401-431; Caldas-Coulthard, C.R., Moon, R. (2010) "Curvy, hunky, kinky': Using corpora as tools for critical analysis", *Discourse Society* 21(2): 99-133.

антисемитизм³⁴, проблема формирования национальной идентичности³⁵, взаимные стереотипы различных обществ друг о друге³⁶ и прочее.

Эмпирическую базу исследования составили материалы шести российских общенациональных газет за период с 1.01.2010 по 31.12.2017: Российская газета, Коммерсант, Комсомольская правда, Московский комсомолец, Независимая газета (включая приложение НГ-Религии), Новая газета. Материалы взяты из онлайн-архива Интегрум³⁷. Общее количество анализируемых статей – 20 699.

Научная новизна

В рамках работы впервые предлагается комплексный анализ политического образа ислама в российских СМИ, а также анализируются дискурсивные стратегии и семантическое поле исламофобии, чего ранее не делалось в исследованиях, посвященных современному дискурсу об исламе в России. Само по себе формирование столь обширного и довольно глубокого корпуса газетных публикаций об исламе уже можно считать большим достижением для отечественной науки. Впервые в одном месте в электронном формате собраны все публикации в ведущих российских газетных изданиях, где так или иначе затрагивается тема ислама. Нами рассматривается возможность разработки специального софта, чтобы собранные материалы можно было использовать в удобном поисковом интерфейсе. Созданная база данных может быть использована для других исследований о различных аспектах ислама в России, а также для сравнительных исследований политических образов ислама в России и в европейских странах.

Практическая значимость

---

³⁴ Partington, A. (2012) “The changing discourses on antisemitism in the UK press from 1993 to 2009”, *Journal of Language and Politics* 11(1), 51-76.

³⁵ Amer, M.A. (2012) “The discourse of homeland: the construction of Palestinian national identity in Palestinian secularist and Islamist discourses”, *Critical Discourse Studies* 9(2): 117-131; Zhang, M., Mihelj, S. (2012) “Hong Kong identity and the press-politics dynamics: a corpus-assisted discourse study”, *Asian Journal of Communication* 22(5): 506-527.

³⁶ Cheng, W., Lyam, P.W.Y. (2013) “Western Perceptions of Hong Kong Ten Years On: A Corpus-driven Critical Discourse Study”, *Applied Linguistics* 34(2), 173-190.

³⁷ Интегрум, <https://www.integrum.ru/>.

Теоретико-методологический аспект данной работы определяет ее практическую значимость. Подробно описанный и апробированный на примере позиционирования ислама в медийном пространстве синергетический подход критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики может быть использован в целом ряде других направлений политологических исследований, например: оценка эффективности предвыборных кампаний, механизмы формирования образов мигрантов, радикальных политических партий и прочее. В свете меняющейся структуры медийного пространства приоритетной видится также возможность его применения для анализа социальных сетей. Появившийся на стыке наук – критической теории, лингвистики, политологии и социологии – данный подход значительно обогащает и расширяет возможности политического анализа как такового.

В рамках диссертационного исследования выдвинут ряд **положений, выносимых на защиту**:

1. Среди основных дискурсивных стратегий выстраивания негативного образа ислама следует выделить следующие: формирование дихотомии «свой-чужой» на примере противопоставления радикального и традиционного ислама, унификация восприятия мусульманской общины (например, невнимание к различиям многочисленных направлений в исламе), криминализация нейтральных коннотаций ряда лексем, связанных с исламом (например, «мусульманская литература» или «мусульманский праздник»), а также неверная интерпретация мусульманских терминов, способствующая стигматизации в восприятии ислама.

2. Множество дискурсивных стратегий способствуют формированию негативного политического образа ислама, следовательно, исламофобия в дискурсе российских печатных СМИ представляет собой не что иное, как набор отдельных артикуляций, способствующих стигматизации восприятия ислама. Исламофобия не является самодостаточной идеологией: негативный образ является лишь отдельным элементом различных

дискурсивных полей (например, дискурса секьюритизации миграции или антиамериканизма).

3. Понимание фрагментарного характера исламофобии позволяет преодолеть ограничения ориенталистского видения ислама «как проблемы».

4. Основными «выгодополучателями» использования негативного образа ислама являются представители экспертного сообщества, способствующие секьюритизации «исламской проблемы», а также представители официального мусульманского духовенства, которые используют данную проблему для собственной легитимации в глазах правящего режима.

5. Выявленные стратегии формирования негативного политического образа ислама востребованы не только в газетном, но и в иных типах дискурса.

Основное содержание диссертационного исследования

Во введении ставится проблема, кратко описывается степень научной разработанности темы, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, излагаются теоретико-методологические подходы и методы исследования, ее эмпирическая база, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе описываются **методы исследования**, обосновывается выбор теоретической рамки, а также описывается эмпирическая база исследования.

Первый параграф посвящен описанию **специфики инструментария корпусной лингвистики**. Операционализированы основные понятия. Так, коллокация может быть определена как «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии»³⁸. Оксфордский словарь медиа и коммуникаций указывает на такой существенный признак коллокаций как «периодичность и предсказуемость

---

³⁸ Коллокация // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm, доступ от 12.03.2018].

совместного появления слов»³⁹. В Глоссарии корпусной лингвистики акцентируется внимание также и на контексте: «факт появления определенных слов в комбинации с другими словами в определенном контексте»⁴⁰.

Под конкордансом понимается «список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник»⁴¹.

Также обосновывается выбор неоферсианского подхода в рамках корпусной лингвистики, так как именно он наиболее актуален для данного исследования. Среди его основных принципов: центральная роль коллокаций в анализе, неприятие процедуры разметки корпуса для возможности анализа употребления различных грамматических форм, тесная связь неоферсианского подхода с критическим дискурс-анализом (делается акцент на значениях, благодаря которым можно проанализировать контекст)⁴².

Во втором параграфе «Об эффективности комбинации критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики» мы кратко рассматриваем сущностные характеристики критического дискурс-анализа как такового и выбранной нами теории Н. Фэрклоу в частности. Гораздо большее внимание уделяется связи выбранного подхода и конкретной теории применительно к данной работе, ограничениям теории Н. Фэрклоу и тому, как корпусная лингвистика позволяет их преодолеть. Например, текстоориентированность теории Н. Фэрклоу, представляющая, по мнению ряда исследователей, ее слабую сторону, в данной работе делает ее наиболее востребованной, так как анализируется большой корпус текстов. Другим ограничением его теории является недостаточное количество эмпирических исследований, подкрепляющих теоретические построения Н. Фэрклоу.

---

³⁹ Chandler, D., Munday, R. (2011) "Collocation", in Dictionary of Media and Communication. Oxford University Press. [<http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-0385>, accessed on 12.03.2018].

⁴⁰ Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. (2006) Glossary of Corpus Linguistics, p. 36. Edinburgh University Press.

⁴¹ Грудева Е.В. Корпусная лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. С.79

⁴² McEnery, T., Hardie, A. (2012) Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice, p. 131-135. Cambridge University Press.

Именно корпусная лингвистика помогает заполнить имеющиеся в этом подходе лакуны.

В третьем параграфе «Описание сформированного корпуса» обосновывается выбор газет для анализа, даются некоторые методические замечания. Для анализа нами были отобраны шесть газет: «Независимая газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новая газета». Основными критериями отбора были следующие: общефедеральный характер издания и относительная популярность (узнаваемость). Количество статей, отобранных для анализа – 20 699.

Вторая глава посвящена анализу имеющейся исследовательской литературы по теме.

В первом параграфе ««Что пошло не так?»: о формировании современной структуры знания об исламе» мы обобщаем некоторые современные подходы к изучению ислама. Это выходит за рамки обозначенной проблемы исследования, однако позволяет понять, почему именно негативный политический образ ислама в качестве предмета исследования оказался столь востребованным на современном этапе. В рамках западной теории модернизации ислам (в самом широком смысле слова – от философской системы до социально-политических идеалов) воспринимается как некое отклонение от западной логики исторического процесса и социального развития. В данном случае западная модель развития выступает в качестве неоспоримой универсалии. В такой логике рассуждений вопросы «что не так с исламом?» и «что с этим делать?» звучат более чем убедительно. Подобный подход можно считать мейнстримным в современных исследованиях по исламу (обзор некоторых приводится в полном тексте работы), однако он существенно ограничивает изучение ислама, сводя все исследования к попыткам классифицировать ислам на разные степени умеренности и радикальности. Воспроизведение ориенталистской парадигмы в конечном счете приводит к существенным

абберациям в восприятии ислама. В качестве альтернативных моделей познания нами были рассмотрены: подход Б. Тернера, нацеленный на преодоление ориентализма, корни которого он видит в рационалистической социологии Макса Вебера, а также антропологическая теория Т. Асада, в центре которой лежит понятие «исламской традиции». В то время как Б. Тёрнер видит причины в сложившейся ситуации в доминировании подхода понимающей социологии М. Вебера, Т. Асад предлагает средство для преодоления сложившегося 'bias'. Он говорит о том, что при изучении ислама не следует вводить искусственные маркеры, вроде «ортодоксальный-неортодоксальный», а изучать «дискурсивную традицию, которая сама по себе обращается к концепциям прошлого и будущего, с особым интересом к исламской практике в настоящем»⁴³.

Во втором параграфе рассматриваются работы, применяющие схожую методологию и исследующие схожий предмет исследования. Во-первых, можно констатировать, что наблюдается стабильный интерес к подобным исследованиям: апробируются новые методики, привлекаются оригинальные эмпирические данные. Во-вторых, региональный охват свидетельствует о том, что наиболее востребованы подобные исследования в европейских странах, США, Австралии и Новой Зеландии. Работ, посвященных политическому образу ислама в российских СМИ, почти не было обнаружено.

В последующих трех главах представлена эмпирическая часть исследования.

В третьей главе анализируются основные дискурсивные стратегии формирования негативного образа ислама. Каждый параграф посвящен отдельной выявленной стратегии.

Первая стратегия концентрируется вокруг формирования дихотомии радикального и традиционного ислама. Нами были

---

⁴³ Asad, T. (1986) "The Idea of an Anthropology of Islam", Occasional Papers Series. Center for Contemporary Arab Studies Georgetown University.

проанализированы словосочетания «прилагательное + ислам». Выяснилось, что прилагательные «традиционный» и «радикальный» являются своеобразными полюсами «правильного» и «неправильного», концентрируя вокруг себя и другие прилагательные. Российский, русский, традиционный, суфийский, национальный, суверенный, православный – относятся к категории традиционного, в то время как радикальный, консервативный, салафитский, внешний, фундаменталистский, нетрадиционный, ортодоксальный, ваххабитский, чистый – к категории радикального. Данный шаг позволил выявить сконструированные идентичности, связанные с проблематикой ислама. Основная цель данной дискурсивной стратегии – сформировать «правильный» для текущей политической ситуации образ традиционного ислама в противовес ужасающему «радикальному исламу». Однако, учитывая специфику публицистического дискурса – ориентация на горячие факты, способные привлечь внимание читателей – доминирующим оказывается негативный образ ислама, отождествляемый с любыми нелегальными политическими силами, дестабилизирующими ситуацию в стране. Именно данная тенденция является одним из факторов, стимулирующих формирование негативного политического образа ислама.

Второй параграф «Категория действия в дискурсе о мусульманах и исламе» уточняет первую установленную стратегию. Здесь были рассмотрены словосочетания «ислам/мусульманин + глагол». Это еще одна попытка установить нормативные рамки между «правильными» и «неправильными» пожеланиями мусульман. Данная стратегия добавляет к системной дихотомии «радикальный-традиционный» ислам элемент иерархичности: приоритет в оценке правильности действий мусульман отдается государству, а не мусульманскому сообществу, чьи голоса в данном контексте вообще не звучат.

Третий параграф посвящен анализу категории количества и формированию гомогенизированного восприятия исламской традиции. Указание количества мусульман, как правило, также оказывается сопряжено

с формированием негативного образа. Мусульмане превращаются в некую аморфную бесконтрольную силу, масштаб которой можно оценить только несколькими миллионами. Независимо от точности оценок численности мусульманской общины в большинстве случаев слово «миллионы» вместе со словом «мусульманин» указывает на значимость и масштаб проблемы мусульман.

Также нами была проанализирована частота упоминаемости отдельных направлений в исламе (шиизм, суннизм, суфизм и так далее). На первый взгляд, статистика кажется несколько неожиданной: о шиитах говорится больше всего по сравнению с другими направлениями, алавизм встречается довольно часто, также существенное освещение получает друзизм. Оказывается, причиной такого расклада является их упоминание исключительно в контексте конфликтов на Ближнем Востоке. Интересны и контексты обращения к проблеме мазхабов. Они также укладываются в установленную ранее дихотомию «традиционный versus радикальный ислам». На полюсе «традиционности» оказывается «традиционный для татар ислам ханафитского мазхаба» и «традиционный для Кавказа ислам шафиитского мазхаба», в то время как противоположный полюс представлен «ваххабитской интерпретацией ханбалитского мазхаба» и «центрами жесткого ханбалитского ислама», что «квантифицирует» угрозу, подчеркивая ее «невероятный» масштаб.

«Квантификация» исламской угрозы и невнимание к различиям многочисленных направлений в исламе способствует гомогенизации восприятия ислама.

Четвертая стратегия – «Криминализация нейтральных коннотаций». Проанализировав контекст употребления целого ряда словосочетаний модели «исламский/мусульманский + существительное», было установлено, что в подавляющем числе случаев речь идет об изменении изначально нейтральной коннотации. И соответственно это происходит в двух ситуациях. В первом случае речь идет о ряде терминов, изначально

несущих негативную коннотацию, которым добавляется определение, связанное с исламом, например, «исламский терроризм», «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм». А во втором случае сами прилагательные «исламский» и «мусульманский» начинают выступать такими маркерами. Это обуславливается контекстом. Так, словосочетание «исламская литература» употребляется не в контексте каких-либо классических литературных произведений мусульманского мира, а в контексте судебных запретов на переводы различной исламской литературы.

Наконец, **пятая стратегия – «Неправильное понимание»** – была выявлена на основе анализа определений столпов ислама, которые приводят авторы статей. Речь идет о таких понятиях, как «хадж», «ураза», «намаз», «закят» и «шахада». Например, термин «закят» характеризуется наличием большого количества порой взаимоисключающих трактовок. Одни говорят, что это добровольное пожертвование или милостыня, другие – что это своеобразный налог. Иногда закят даже рассматривается в качестве финансовых средств, идущих разными путями боевикам. В определениях намаза акцентируется внимание на чуждости и неприемлемости привнесенных традиций – сюда, например, относится негативное отношение жителей кварталов, где есть мечеть, к слишком громкому призыву на молитву.

В четвертой главе «Мигрантофобия, антиамериканизм и защита традиционных ценностей: глубинные корни негативного образа ислама» мы пытаемся ответить на вопрос, позволяют ли рассмотренные дискурсивные стратегии говорить о наличии исламофобии? И если да, то что представляет из себя исламофобия в российских печатных СМИ?

Первый параграф посвящен концептуализации понятия «исламофобия». Начиная с хрестоматийного доклада «Исламофобия: вызов для нас»⁴⁴, предпринята попытка выявить основные подходы,

---

⁴⁴ “Islamophobia challenge for us all” (1997), The Runymede Trust, [<http://www.runymedetrust.org/publications/17/32.html>], accessed on 12.03.2018].

сформировавшиеся с 1997 года, к осмыслению феномена исламофобии. Одним из самых популярных стала подробно разработанная теория расизма. Распространенность такого подхода можно объяснить сравнительной «эргономичностью». Достаточно отождествить расовый и религиозный фактор в процессе выстраивания идентичности, и теоретические разработки в лоне исследований расизма заработают и в сфере исследования исламофобии. Преимущественно для европейского контекста характерно определение исламофобии как идеологии со всеми присущими ей чертами. Так, исламофобия выступает как неотъемлемый элемент идеологии правых партий, подъем которых наблюдается в последние несколько лет. Уместно говорить об исламофобии, в том числе, и в более широком теоретическом контексте, например, в рамках постколониальной теории. Здесь восприятие ислама зиждется на трех тезисах. Во-первых, враждебное отношение к исламу и мусульманам обусловлено колониальным прошлым. Во-вторых, непонимание социокультурных различий многочисленных мусульманских сообществ обуславливает ошибочно гомогенное восприятие ислама. Наконец, при анализе развития мусульманских обществ используются критерии, адаптированные для западных обществ.

Однако каждый из описанных выше подходов не может быть в полной мере использован в рамках данного исследования. Определение исламофобии как расизма легко может быть подвергнуто критике, по причине различных социальных истоков и последствий расового и мусульманского факторов, что уже не раз становилось предметом подробного анализа. Определение исламофобии как идеологии разработано прежде всего для европейского контекста. Постколониальная теория указывает, прежде всего, на глобальные причины, а не на конкретные проявления исламофобии. Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, пытаться определить не «исламофобию», «исламофобии». Поскольку, по словам К. Аллена, исламофобия «укоренена в продуктах, а не в явлениях».

А. Мондон и А. Винтер подробно исследуют проблему «исламофобий», обращаясь к теории Э. Лакло и Ш. Муфф. Они противопоставляют артикуляции (в терминологии упомянутых авторов) и самодостаточные категории (self-contained categories). И делают чрезвычайно важный вывод: исламофобия не представляет единый дискурс, являясь скорее набором артикуляций, который воплощается в различных типах генерализаций, стигматизаций и неправильных восприятий (misperception)⁴⁵. М. Экман в своей статье фактически дублирует эту мысль. «Исламофобия воплощается в различных фреймах в зависимости от национальных и транснациональных политических акторов и процессов, тем, событий и других обстоятельств»⁴⁶.

Во втором параграфе «О чем говорят, когда говорят про ислам? Общая картина динамики изменения тем» кратко описывается тематическая структура корпуса по годам с помощью функции «ключевые слова»: для каждого года были отобраны 50 наиболее статистически значимых ключевых слов. Это позволило выявить ключевые информационные поводы, так или иначе связанные с исламом.

В третьем параграфе ««Фрагментированная» исламофобия российского дискурса об исламе» были непосредственно рассмотрены источники формирования дискурса исламофобии, а также динамика их изменений в рассматриваемый период с 2010 по 2017 год. Для каждого из годов нами был сформирован субкорпус, и в каждом субкорпусе были отобраны все употребления коллокаций «радикальный» и «традиционный». Конкордансы, содержащие эти коллокации, и стали предметом нашего анализа. После классификации контекстов обращения к теме «радикального ислама», выяснилось, что зачастую данный концепт носит атрибутивный характер, то есть выступает в качестве маркера любых явлений, оцениваемых в данный момент как негативные. Например, в контексте региональных

---

⁴⁵ Mondon, A., Winter, A. (2017) "Articulations of Islamophobia: from the extreme to the mainstream?", *Ethnic and Racial Studies* : 1-29.

⁴⁶ Ekman, M. (2015) "Online Islamophobia and the politics of fear: manufacturing the green scare", *Ethnic and Racial Studies* 38(11): 1986-2002.

проблем радикальный ислам стоит в одном ряду с такими проблемами, как распад СССР, и образовавшийся вследствие этого «период бездуховности». Радикальный ислам также выступает своего рода лакмусовой бумажкой для обнаружения элементов мигрантофобии, и актуализируется эта проблема посредством материалов, посвященных Центральной Азии и Европе. Вслед за антизападной риторикой радикальный ислам неожиданно становится элементом антиамериканского дискурса.

Выявление обширного числа дискурсивных полей, которым принадлежит элемент радикального ислама, позволило установить «различные типы обобщений, стигматизаций и неправильных восприятий», в терминологии А. Мондон и А. Винтер, и выстроить целую «палитру исламофобий». В целях упрощения, конечно, удобнее говорить об одной единственной исламофобии, не забывая, тем не менее, о ее неоднородности и противоречивости применительно к российскому газетному дискурсу.

Дискурс о традиционном исламе оказывается полностью зависим от дискурса радикальном исламе, то есть выступает как реакция на угрозу радикального ислама. То есть, если, например, речь идет об угрозе радикального ислама в регионах, то традиционный ислам выступает в качестве универсального средства для противодействия ему. В этом же ключе традиционный ислам выступает и как атрибут лояльных государственной власти мусульманских организаций.

Пятая глава «Акторная структура дискурса об исламе» посвящена тем, кто говорит про ислам, кто говорит от имени ислама, а также тем, кто составляет собирательный образ мусульманина, транслируемый СМИ.

В первом параграфе мы проанализировали структуру экспертного сообщества и выделили **группу «алармистских» экспертов**. Довлеющий нарратив секьюритизации проблемы ислама, а также историческое наследие чеченских войн приводят к тому, что одним из важнейших элементов данного сегмента экспертного дискурса об исламе становится опасность, связанная с радикальным исламом. Сущностными ее чертами являются

внешний характер, а также неизбежная угроза основам российской государственности. По этой причине экспертный дискурс здесь сращивается с официальным политическим, так как идея поиска и определения внешнего врага является крайне популярной для российского политического истеблишмента.

Во втором параграфе «Голоса мусульманской общины: как научиться евразийству и патриотизму» мы обратились к дискурсу лидеров мусульманской общины. Конфликты между региональными ДУМ – одна из важнейших тем, которая знакомит нас с основными акторами, представляющими российскую общину мусульман. Однако в газетном дискурсе они, скорее, выступают в качестве объекта анализа – их мнения выносятся за скобки. Те же мусульманские лидеры, чьи голоса представлены в медийном пространстве, выступают в роли скорее политических, нежели религиозных деятелей. Они используют СМИ в качестве источника легитимации в глазах политической власти ради получения наибольшего политического веса по сравнению со своими конкурентами в мусульманской общине. И если в 2010 году еще встречаются критические отзывы Р. Гайнутдина в отношении действий московских властей, то с 2011 года его дискурс становится абсолютно рафинированным и выстраивается вокруг нескольких узловых моментов: духовности, единства на основе евразийства и противостояния западным ценностям. Эта схема становится универсальным инструментом для заявления своей позиции фактически по любому вопросу. Главное ограничение подобной концепции заключается как раз в ее универсальности. Являясь органичной частью нынешней политической конъюнктуры, она позволяет ограничиться лишь декларацией «всего хорошего против всего плохого» без необходимости разработки каких-либо конкретных планов действия по «вращиванию семян родной традиции». В результате: в то время как дискурс экспертного сообщества об исламе заиклен на проблеме «радикального ислама», и предлагаются порой самые крайние методы борьбы с ним, представители мусульман, если и

обращаются к этой проблематике, то исключительно в контексте очередного напоминания о своей лояльности властям, но никак не решения данной проблемы.

Неотъемлемой частью образа ислама являются собственно мусульмане и иные акторы, ассоциирующие себя с исламом. **В третьем параграфе «Молчаливое большинство: каких мусульман боятся больше всего?»** нами было выделено три условные группы тех, кто, на наш взгляд, ассоциируется в публицистическом дискурсе с исламом и вносит значительный вклад в формирование негативного образа ислама. Первая категория, объединяющая группировки и движения, в первую очередь была призвана продемонстрировать масштаб того самого «молчаливого большинства». Как правило, речь идет о зарубежных государствах и их сложный внутривластный контекст нивелируется, сводя все к описанию очередной активности той или иной организации. Таким образом, это способствует формированию не только негативного образа ислама, но и закреплению стереотипа о «нестабильных государствах третьего мира». ИГИЛ⁴⁷ мы специально вынесли в отдельную категорию, чтобы продемонстрировать, как чрезмерное внимание прессы к деятельности этой организации привело к изменению его дискурсивного статуса, фактически превратив его в настоящее государство, несмотря на все отрицания данного факта. Наконец, третья категория сопряжена, прежде всего, с внутренней угрозой, исходящей от неопитов и мусульманских женщин. Первые, вместе с мусульманскими проповедниками представляют угрозу, так как ввиду своей психологической нестабильности близки к превращению в боевиков и террористов. Женщин же, как правило, связывают с их нежеланием адаптироваться к принимающему обществу, и маркером здесь выступает хиджаб.

---

⁴⁷ Запрещена в РФ на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

Наконец, в **шестой главе «Шаг за рамки газетного дискурса: влияют ли СМИ на другие типы дискурса?»** мы доказываем, что рассмотренные схемы выстраивания негативного образа ислама востребованы не только в газетном дискурсе, но и иных сегментах российского публичного пространства.

В **первом параграфе «Официальный дискурс об исламе: некоторые тенденции»** мы обратились к анализу официального дискурса об исламе, транслируемого различными государственными органами и государственным деятелями. Предметом исследования на данном этапе стали аналитические материалы Государственной Думы, а также стенограммы парламентских заседаний. На примере материалов некоторых экспертных центров, ряда публикаций в СМИ, а также результатов опроса общественного мнения продемонстрировано, во-первых, «перетекание» идеи «борьбы с исламом» из официального политического дискурса в медийный и установление его в качестве доминирующего типа дискурса, оказывающего решающее воздействие на всю политическую сферу.

Во **втором параграфе ««Социальная доктрина российских мусульман»: манифест лояльности «традиционного ислама» российскому государству»** мы обратились к *официальному исламскому дискурсу*. Взаимосвязь с официальной властной риторикой уже была частично продемонстрирована в пятой главе. Здесь же мы подробно рассмотрели документ, иллюстрирующий одну из попыток создания «бренда традиционного ислама» – «Социальная доктрина российских мусульман». Над созданием текста работали ведущие представители мусульманской общины России. В ходе анализа данного текста выявлены схожие с медийным дискурсом стратегии выстраивания образа «правильного традиционного ислама».

В **заключении** суммированы промежуточные выводы, намечены возможные перспективы дальнейших исследований.

Гомогенное восприятие ислама, о чем предупреждал Т. Асад, также контрпродуктивно, как и гомогенное восприятие исламофобии: как в практическом, так и в теоретическом смыслах. И в том, и в другом случае это приводит к значительному упрощению проблемы. В то время как анализ языковых стратегий дискурса исламофобии хорошо показывает его неоднородность и, следовательно, комплексный характер затрагиваемых проблем. При кажущейся тривиальности, на самом деле решается непростая задача. Подавляющее число исследовательских работ, посвященных проблемам исламофобии, упрощают ее до своего рода «диагноза», называя ее трансформировавшейся формой ориентализма, разновидностью расизма или имманентной чертой современных правых идеологий в Европе. Лишь единицы обращают внимание на то, что гораздо более продуктивно рассматривать исламофобию, например, как набор артикуляций, когда она становится атрибутом того или иного типа дискурса, адаптируясь к специфике коммуникационного пространства. Таким образом, каждая из разобранных нами языковых стратегий является одним из этих «проявлений» исламофобии.

Использование инструментария корпусной лингвистики позволило выявить целый спектр стратегий, используемых для выстраивания негативного образа ислама. Однако необходимо учитывать, как минимум, два важнейших ограничения данного инструмента.

Во-первых, это определенная слабость статистического метода, лежащая в основе выявления коллокаций, которые выступили основным элементом нашего анализа. Как на основе совместной встречаемости определенных слов может быть сделан общий вывод относительно наличия доминирующего дискурса? Ведь часто высокий уровень совместной встречаемости показывает лишь грамматическую связь, не позволяя делать содержательных выводов о семантических связях. В связи с этим мы старались избежать подобных ситуаций, используя статистические инструменты максимально гибко, а именно: уделяя большое внимание

контексту и адаптируя применение той или иной процедуры для решения конкретной исследовательской задачи.

Во-вторых, это собственно специфика анализируемого материала – СМИ. Нагнетание ситуации, акцент на конфликтных ситуациях и умышленное использование провокационных оборотов – все это по умолчанию свойственно журналистам для привлечения наибольшей аудитории. Иными словами, конструирование негативного политического образа ислама, получается, востребовано редакциями рассматриваемых нами ресурсов. В таком случае насколько вообще релевантно рассмотрение газетных публикаций при анализе проблемы исламофобии? С нашей точки зрения, медийный дискурс выступает важным элементом публичного пространства и оказывает серьезное влияние на множество других типов дискурса. И, даже принимая во внимание неотъемлемый оценочный компонент, изначально свойственный СМИ, тем не менее, мы можем говорить о востребованности подобного дискурса, в котором доминирует негативный политический образ ислама.

Для подтверждения данного тезиса в шестой главе мы продемонстрировали «перетекание» идей о «борьбе с радикальным исламом» и «правильном традиционном исламе» из медийного дискурса в официальный дискурс об исламе и в официальный исламский дискурс и наоборот. На материале аналитических материалов Государственной Думы и стенограмм парламентских заседаний удалось выявить основные факторы, влияющие на восприятие ислама представителями власти, а также оценить степень взаимозависимости их риторики с риторикой СМИ. В этой же главе нами была рассмотрена «Социальная доктрина российских мусульман» - документ, иллюстрирующий одну из попыток создания «бренда традиционного ислама», о чем также активно говорится в СМИ.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно утверждать, что механизмы конструирования негативного медийного политического образа ислама, описанные в главах 3-5, могут быть обнаружены и в других

типах политического дискурса. В диссертации на примере отдельных документов были рассмотрены лишь два типа дискурса. В дальнейшей работе над темой представляется продуктивным обратиться к исследованию общественного мнения, что поможет понять, насколько транслируемый СМИ (и другими акторами публичного пространства) образ соответствует образу, имеющемуся у различных групп населения.

Апробация результатов исследования

Основные положения работы сформулированы в ряде публикаций общим объемом около восьми печатных листов.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в Scopus

1. [Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №2. С. 272–299.
2. [Исламская реформация: позитивный проект или искусственный концепт?](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 51–76.
3. [Об антиориенталистской социологии ислама Б. Тёрнера](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 297–310.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в ВАК

4. [Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ \(2010–2013\)](#) // Исламоведение. 2017. №1. С. 112–130.

Другие публикации по теме диссертации

5. [Zwischen Anerkennung und Diskriminierung: Islam in Russland](#) // OST-WEST. Europäische Perspektiven. 2018. №3. S. 203–209.
6. [Не ест багет и носит бороду – значит радикал? \(рецензия на: Религии и радикализм в постсекулярном мире / Под ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М., 2017\)](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С244–253.

7. Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) [“From 'Good' to 'Right' Islam: The Categories and Concepts in the Modern Russian Analytics and ideology Language”](#), *Islamology* 7(1): 88-105.
8. [Мечты о мусульманской солидарности в борьбе с неокOLONИализмом. Рецензия на книгу ДжемИля Айдына «Идея мусульманского мира. Глобальная интеллектуальная история»](#) // *Islamology*. 2017. Т. 7(1). С. 215-219.
9. Интернет-пространство радикального политического ислама Северо-Восточного Кавказа // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / отв. ред. А.Д. Саватеев, Н.А. Нефляшева, Э.Ф. Кисриев. М., 2017. С. 112–130.
10. Политизация истории халифата при правлении четырех праведных халифов 632 – 661 гг. в трудах современных мусульманских мыслителей // *История – поле сражения* / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2015. С. 115 – 151.
11. [Дискурс политического ислама \(на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа\)](#) М.: Изд. дом «Либроком», 2013.

Теоретические и методологические наработки, результаты эмпирических исследований были представлены на российских и зарубежных научных конференциях.

1. Conference “Villains! Constructing Narratives of Evil”, Justus-Liebig-Universität, Gießen, February 2019. Paper “‘Banality of Islamic Evil’: Routinization of Islamophobic Practices in Russian media and Society”.
2. Conference “European Languages as Muslim lingua franca”, Amsterdam University, December 2018. Paper “Talking on Islam and on behalf of Islam: Discourses of Experts on Islam and Official Muslims as two sides of the same coin”.

3. XXIX Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». СПбГУ, Санкт-Петербург, июнь 2017. Доклад на тему «Концепт исламофобии в западной и российской историографии».
4. International Conference “Image of Islam in Russia”. Uppsala University, Uppsala, Sweden, October 2016. Paper “Image of Islam in Contemporary Print Media”.
5. Коллоквиум «Молодежь в мировом исламистском движении». Институт Африки РАН, Москва, июнь 2016. Доклад на тему «Формирование образа ИГИЛ в российских печатных СМИ: к проблеме эффективности медийного противодействия».
6. II Конференция «Власть и насилие в незападных обществах». Москва, май 2016. Доклад на тему «К проблеме изучения исламофобии в современном мире».
7. Всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность». Институт востоковедения РАН, Москва, ноябрь 2015. Доклад на тему «Опыт применения инструментария корпусной лингвистики в исламских исследованиях».
8. XXVIII Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». СПбГУ, Санкт-Петербург, апрель 2015. Доклад на тему «Дискурс об исламе в российских печатных СМИ».
9. II Съезд молодых востоковедов стран СНГ на тему «Восточные общества: традиции и современность». Институт востоковедения РАН, Институт востоковедения НАН Азербайджана им. акад. З.М. Буниятова. Азербайджан, Баку, ноябрь 2013. Доклад на тему «Концепция истории в современной исламской философии».
10. VI Международная научная конференция Российской Ассоциации исследователей женской истории «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». КБГУ им. Х.М. Бербекова. Нальчик, октябрь 2013. Доклад на тему ««Исламский феминизм» или

«феминистический ислам»: о философии современных женских движений в исламских обществах».

11.П Всероссийский Круглый стол молодых кавказоведов «Источники по истории народов Кавказа как фактор формирования исторической памяти и идентичности». Институт Востоковедения РАН. Москва, февраль 2013. Доклад на тему «Процесс формирования исторической памяти о второй чеченской войне в интернет-источниках Северо-Восточного Кавказа».